

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.1-214-228

УДК: 930

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ РЕЦЕПЦИИ ИДЕЙ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ XVIII В.

Коковин Иван Сергеевич,

кандидат философских наук,

доцент кафедры философии и гуманитарных наук

Новосибирского государственного университета

экономики и управления – «НИНХ»,

Россия, 630099, Новосибирск, ул. Каменская, 56

ORCID: 0000-0003-3052-2953

Ivan.kokov80@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы историографии рецепции русским культурным пространством элементов европейских идей, характерных для западноевропейского просвещения в XVIII в. Автор анализирует истоки, основные этапы и пути формирования историографии рецепции идей западноевропейского просвещения. Отмечено, что ее становление неразрывно связано с процессом формирования государственной культуры, национальной идеологии. В историческом контексте исследуются взгляды В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова, С.Ф. Платонова и других российских и советских историков на особенности процесса восприятия русским интеллектуальным пространством просветительских идей. Подчеркивается, что с распадом марксистской исследовательской парадигмы произошел качественный скачок в развитии историографии русского просвещения, что, однако, не привело к возникновению цельной концепции процесса рецепции идей западного просвещения в России. Показаны различия объяснительных конструкций в российской, советской и постсоветской историографии. Отмечено нарастание в настоящее время потребности в создании цельной реконструкции процесса рецепции во всех областях гуманитарного знания. Автор считает, что сложившиеся в среде гуманитариев историографические стереотипы делают невозможным переход на новый уровень историописания проблемы, среди них дискретность осознания историками проблем рецепции идеологием западного просвещения и отсутствие в их исследованиях элементов анализа культурных предпосылок процесса формирования русского просвещения. Отмечается непонимание того факта, что возникновению нововременных идеологием на русской почве должен был предшествовать процесс сложения терминологического инструментария. Делается вывод о том, что дореволюционная, советская и постсоветская историографи-

ческая традиция не содержит цельной реконструкции процессов трансформации ментального пространства, подготовивших восприятие русской культурой идей европейских просветителей. В массиве отечественного историописания наличествуют лишь отдельные элементы, которые могут стать основой нового исторического подхода.

Делается вывод, что для развития историографии проблемы необходимо создать междисциплинарную комплексную парадигму исследования, затрагивающую лингвистические, культурно-исторические и политико-идеологические аспекты проблемы.

Ключевые слова: Просвещение, историография, терминологический инструментарий, историографическая традиция, нововременные идеологии, Русское просвещение, рецепция идей.

Библиографическое описание для цитирования:

Коковин И.С. Историография проблемы рецепции идей западноевропейского просвещения в России XVIII в. // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 2, ч. 1. – С. 214–228. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.1-214-228.

Эту статью было бы точнее назвать «Отражение историографией механизмов восприятия российскими интеллектуалами восемнадцатого столетия западноевропейских просветительских идей». В историографии европейской в настоящее время укоренилось представление о том, что изменения в области культуры (науки, искусства, идеологии) генетически связаны с процессом эволюции ментальных структур человеческих сообществ. История ментальности впервые становится предметом историописания во Франции 20–30-х годов двадцатого столетия (школа «Анналов»). Основную гипотезу, отраженную в статье, можно выразить в следующем тезисе: русская и советская историография не содержат развернутой и цельной реконструкции процессов трансформации ментального пространства русских интеллектуалов, сделавшей возможной рецепцию политических, эстетических, исторических теорий западноевропейского происхождения.

Процесс формирования русского политического просвещения был детерминирован потребностью власти в средствах легитимизации господства, а также потребностью нарождающейся отечественной историографии в методологическом инструментарии. Предметом рефлексии факт рецепции западных идей стал еще в эпоху Екатерины.

Подавляющее большинство исследователей отмечает факт систематического влияния европейской мысли на российское культурное пространство (Е.Г. Плимак). Основным выводом настоящей статьи является следующий: процесс рецепции идей европейских просветителей на русской почве является белым пятном историографии XVIII в. Между тем именно факт трансформации отечественной культуры сделал возможным такое явление, как Русское просвещение.

«В подтверждение данного тезиса можно констатировать факт отрицания российской интеллектуальной элитой времен Анны Иоанновны, полезности распространения в России трудов Макиавелли и Гоббса» [3, с. 18]. В.Н. Татищев писал о том, что труды Х. Вольфа были переведены не зря: «Но понеже оных на наш язык не переведено и, кроме Пуфендорфовы “Политики и морали”, в книжице “О человеке и гражданине” смешанной, в печати не имеем, противно тому письменных, но не потребных со излишком, яко Макиавелиева “О князе”, Гоббзиева “Левиаган”, Лок “Правление гражданское”, Бакколинова и тому подобные более вредительные, нежели полезные, находятся, из чего у неразумных страные, с мудростью и пользою государства несогласные разсуждения произносятся, а некоторые, с великим их собственным и государственным вредом, на непристойное дерзнули» [12, с. 359]. Очевидно, культурное пространство и языковая среда России были просто не в состоянии адаптировать к потребностям власти образцы естественно-правовой апологии европейского абсолютизма.

Общим местом отечественной историографии является тезис о том, что Петровские реформы открыли новую эпоху культурной истории России. Именно в этот период становится востребованным идейное наследие западноевропейских интеллектуалов.

Интересно, что рефлексия по поводу самих Петровских преобразований и роли западной культуры зарождается в России в эпоху екатерининского царствования. «М.М. Щербатов констатировал факт систематического влияния европейской материальной культуры и обычаев на уклад жизни дворян, однако феномен идеологической трансформации русского культурного пространства находился вне поля его дискурса. Критикуя моральные устои императрицы, он лишь отмечает факт влияния философии Вольтера, занявшей место христианской богобоязненности» [3, с. 18].

Представители российской историографии XIX столетия не оставляют без внимания проблему рецепции русским обществом европейских идей, однако феномен восприятия элементов западноевропейской философии русской интеллектуальной элитой не представлял собой специального предмета исследования русских историков первой половины XIX в.

Известным отечественным историком эпохи Александра II был С.М. Соловьев – автор фундаментального труда по истории России «История России с древнейших времен». Согласно его концепции, Петровские преобразования были порождены стремлением нации к изменению отживших социальных и политических институтов, эпоха начала XVIII столетия была периодом, когда народ осознал необходимость появления сильной личности на троне. «Культурный массив допетровской эпохи не позволял русскому социуму перестроить социальные институты и усво-

ить новые военные и промышленные технологии. В течение XVII века отечественные интеллектуалы усваивают элементы польской гуманитарной культуры, но потребность в военных знаниях требует рецепции элементов западноевропейской культуры (прежде всего германского наследия). Соловьев констатирует факт стремления части государственной элиты к обретению польской учености, он акцентирует внимание читателя на том, что в русском языке появляется много заимствованных слов» [3, с. 42]. Однако историк не анализирует процесс рецепции политических терминов, понятий, а также готовых идеологем европейского происхождения.

Проблема рецепции элементов западноевропейской просветительской философии попадает в сферу исследовательских интересов В.О. Ключевского. «Заслуга историка заключается в том, что он впервые затрагивает проблему генезиса идейных убеждений монарха. Исследователь полагал, что Петр I изменяет политическое сознание московского государя (“изнанкой на лицо” [2, с. 405]). Он впервые осознает себя должностным лицом на службе у народа. Обязанности царя сводятся к поддержанию внутреннего порядка и организации обороны. В свете указанной проблематики представляет интерес обращение историка к анализу понятий “благо отечества” и “общее благо”. По мнению Ключевского, использование царем терминов: “распорядок”, “оборона”, “благо отечества” является последствием радикального переворота в политическом мышлении» [3, с. 45].

Очевидно, сознание российского императора испытало влияние западноевропейских естественно-правовых доктрин. Однако исследователь не обозначает источник убеждений монарха. «Анализируя историографические явления, В.О. Ключевский отмечает факт рецепции русскими интеллектуалами идейного наследия западноевропейских просветителей» [3, с. 45]. Первым значительным представителем российской историографии эпохи Анны Иоанновны был В.Н. Татищев. Исследуя подход Татищева, историк XIX в. отмечал способность современника Анны и Елизаветы к усвоению западноевропейских идей: «Русский историограф, цепляющийся за вечно несущуюся вперед европейскую мысль и политические взгляды» [2, с. 282]. В.О. Ключевский полагал, что в основе политических убеждений Татищева лежат элементы естественно-правовых учений Гроция и Пуффендорфа: «Он ставит дело на общие основы государственного права и доказывает, что России по ее положению всего полезнее самодержавное правление и что по пресечении династии избрание государя “по закону естественному должно быть согласием всех подданных, некоторых персонально, других чрез поверенных” [2, с. 113].

«Историк полагал, что именно в последние десятилетия восемнадцатого века образованные люди России усваивают концепцию законосо-

образности процесса эволюции общественного бытия (история иррациональна, но лишь оттого, что люди не стремятся к постижению ее законов). Идея рационалистического преобразования социума еще не была укоренена в сознании русского образованного сообщества. Но представление о закономерностях исторических трансформаций оказало значительное влияние на самосознание интеллектуальной элиты XVIII века» [3, с. 46].

«Исследуя интеллектуальные тенденции екатерининской эпохи, В.О. Ключевский не стремится к постижению механизма трансформации понятий и идеологем, он склонен объяснять появление социальных концептов влиянием западноевропейской мысли. При этом элементы западной мысли усваиваются русским обществом в том виде, в котором они были сформулированы европейцами. За рамками исследования находится феномен становления нового типа социальной ментальности в России» [3, с. 47].

Поздним современником В.О. Ключевского был С.Ф. Платонов. «Анализируя процессы осмысления русскими интеллектуалами эпох петровского и екатерининского правлений, историк констатирует факт изменения типа мышления о власти. По его мнению, стремление к мифологизации фигуры монарха (отождествление с богом) сменилось попытками более рационального осмысления проблем появления императора и его деяний. Исследуя процесс генезиса историографии, С.Ф. Платонов акцентирует внимание читателя на том, что именно в период XVIII века была поставлена проблема цивилизационной преемственности допетровского и послепетровского исторического периодов. Зарождается рациональный тип осмысления влияния монархических институций на социум конца восемнадцатого столетия» [3, с. 47]. Историк не стремится к созданию детальной исторической реконструкции процессов эволюции социальной рациональности западного типа на русской почве. Можно утверждать лишь то, что в своих работах он освещает отдельные аспекты процесса становления новой социальной ментальности.

«Ученым, теоретические построения которого оказали значительное влияние на ход развития русского исторического позитивизма, был П.Н. Милюков. Анализируя процесс генезиса “общественного самосознания”, он затрагивает аспекты проблемы становления нового типа политического мышления на русской почве. Автор исторических исследований отмечает факт проникновения в Россию новых социальных понятий и идей. Они были переработаны и усвоены отдельными представителями русской интеллектуальной среды» [3, с. 49].

«По мнению историка, князь Голицын заимствует основные пункты своих “кондиций” у представителей западноевропейской аристократии. В основе “пунктов” верховников лежали положения, взятые из шведской

конституции. П.Н. Милюков сопоставляет тексты обоих политических проектов. Исследователь полагал, что российские реформаторы воспроизводят положения шведской конституции без значительных изменений, что свидетельствует о накоплении ментальных трансформаций в русском обществе периода первой трети XVIII столетия. Однако специфика процесса культурной эволюции, подготовившего рецепцию западноевропейского наследия, не рассматривалась П.Н. Милюковым» [3, с. 51].

«Ученый отмечает факт рецепции русскими просветителями западноевропейских идей. Автор указывает на то, что Болтин активно использует термины, заимствованные им из французской литературы (“естественные и народные права”, “народ вступает в первобытные свои права”¹)» [3, с. 51].

По мнению антагониста Болтина – князя Щербатова, «в основании мотивации социального субъекта лежат мотивы корысти и выгоды. История рассматривается интеллектуалами XVIII столетия как результат взаимодействия политических страстей и индивидуального расчета» [3, с. 52].

П.Н. Милюков указывает философские источники российских политических идеологов – Локка и Монтескье [5, с. 515]. Однако его не интересуют специфические свойства семиотического пространства, в котором работают усвоенные термины. Он не анализирует генетические связи новых понятий и идей с лексемами, укоренившимися в сознании интеллектуальной элиты. «Можно утверждать, что историк представляет процесс эволюции понятий и развития концептов как историю двух изолированных явлений. В своем исследовании он не освещает процесса перевода французских политических доктрин на язык русской культуры. Идеиные положения усваиваются отечественными интеллектуалами в той форме, в которой они существовали на Западе. П.Н. Милюков не ставит проблему взаимодействия западноевропейского философского наследия с семиотическим пространством русской культуры» [3, с. 53].

М.Н. Покровский стал одним из первых представителей исторического марксизма на русской почве. «В основании его оригинальной концепции развития Русского государства лежит представление о преобладании экономического фактора в процессе становления политических структур (экономический детерминизм)» [3, с. 53].

Культурная обусловленность процессов генезиса новых государственных форм не интересовала ученого, и проблема формирования нового типа политического мышления М.Н. Покровским не была поставлена.

«Как правило, культурные явления той или эпохи не являются центральным объектом марксистского исторического анализа (ученый стремится вынести рассмотрение проблем интеллектуальной жизни на периферию исследования). Казалось бы, методологический подход, имею-

¹ См.: [5, с. 515].

пций своим предметом феномен взаимообусловленности идеологических и экономических явлений, должен был инициировать активность ученых к постижению процессов эволюции типов социального мышления на русской почве. Но проблемы генезиса новых идей и представлений находились вне рамок аналитического пространства» [3, с. 56].

«Представители прогрессивного дворянского направления нуждаются в концепциях западноевропейских борцов с абсолютизмом лишь благодаря тому, что к этому их подталкивает логика объективных социально-экономических процессов (например, ужесточение эксплуатации крестьян).

В обоих случаях детальную аналитическую разработку получает лишь проблема детерминизма, а процесс изменения ментальности, подготовивший почву для рецепции западноевропейских идей, как правило, не попадает в исследовательскую сферу историков-марксистов» [3, с. 58].

Для работ историков периода 1930–1950-х гг. [4] стала характерной тенденция к отождествлению культурных и политико-идеологических феноменов [3, с. 58].

Характерный для марксистской историографии подход был воспроизведен Е.Г. Плимаком в работе «Запретная мысль обретает свободу», где историк анализирует мировоззрение А.Н. Радищева. Писатель с естественно-правовых позиций низвергал идейные устои абсолютизма [8, с. 81]. По мнению исследователя, общеевропейская тенденция затронула русское культурное пространство. Указывает он и источники, в числе которых Мабли, Рейналь, Руссо, Гельвеций и Т. Пейн [8, с. 83]. Констатируя факт рецепции французских или американских революционных идей, Е.Г. Плимак сопоставляет текст западных источников с фрагментами произведений А.Н. Радищева. Однако за рамками исследовательской рефлексии советского историка находились механизмы трансляции смыслов западноевропейской культуры на русскую почву.

«Период 70–80-х годов (в СССР) был отмечен появлением научных подходов, сочетающих концепцию экономического детерминизма с детальным анализом культурно-идеологических изменений [10]. При этом политическая доктрина абсолютизма рассматривается как один из структурообразующих элементов культуры (проблема трансформации интеллектуальных объектов объясняется усилением потребности власти в новой политической мифологии, однако методологическая традиция, постулирующая полное отождествление явлений искусства, науки и идеологии, начинает утрачивать свое значение)» [3, с. 59].

Кардинальный сдвиг в осмыслении процесса идейных рецепций Просвещения русским культурным пространством происходит в период распада марксистской исследовательской парадигмы (конец 80-х – начало 90-х годов XX в.).

Значительный научный интерес представляют работы Е.Г. Марасиновой, поставившей перед собой задачи постижения феномена востребованности культурной средой специфического набора понятий и терминов (и идеологем) в целях реконструкции процесса влияния новых идей на социальную жизнь страны. Важнейшей терминологической инновацией начала XVIII столетия было перенесение на русскую почву западноевропейских определений верховной власти («Август», «кесарь», «император»). Политическая элита стремится осмыслить будущее страны «в контексте новых историософских идей, терминов, концепций». Центральным аспектом процесса внедрения новой идеологии является трансформация образа царской власти в глазах населения. «Эволюция словесного оформления обращения к монарху, ставшему императором, с одной стороны, выражала отношение подданных к верховной власти, а с другой – сама являлась фактором формирования образа самодержца» [4, с. 60].

По мнению историка, пришедшие из древнеримской латыни через польский и немецкий языки понятия «император», «империя» не были просто синонимами относительно нейтральных по смыслу русских слов «правитель», «повелитель», «страна». «Термин “империя” означал силу, державность, что не могло не повлиять на направленность развития российского государственного самосознания» [5, с. 143]. Исследователь акцентирует внимание на том, что с эпохи Петра I смысловые поля государственной доктрины заданы понятием «империя». «Использование данного определения оказывало влияние на процесс формирования имиджа державы (внешнеполитический аспект) и укрепляло авторитет решений государственной элиты внутри страны (усиливалось ощущение подъема, связанное с иным порогом национальных претензий)» [3, с. 61].

«Процесс конструирования новой государственной идеологии политической элитой был стихийным, он не был тождественен явлению рационального осмысления общественных процессов интеллектуалами (проблема целенаправленного осмысления общественных феноменов русским обществом находится вне поля анализа). Задачи легитимизации господства императора расходились с целями формирования рефлексивного знания об обществе и власти» [3, с. 61].

В постсоветский период проблемы становления нововременного политического дискурса попадают в сферу исследовательских интересов А.В. Гордона. «Историк отмечает наличие потребности господствующих слоев общества в построении светской идеологии. А.В. Гордон не анализирует явление заимствования понятий, в сфере его аналитических интересов находится рецепция идейного содержания западноевропейских концептов. Использование представителями политической элиты плодов рационалистической философии Запада приводит к формированию ново-

го квазирелигиозного культа власти <...> Согласно концепции историка, характер процесса был обусловлен тем, что в России европейское интеллектуальное наследие взаимодействует с культурным пространством, в котором уже существовали устоявшиеся архетипы власти» [3, с. 62]. «На русской почве оказались востребованными такие концепты, как “вера в прогресс”, “преобразовательный радикализм”, а также идея регулярного государства» [1, с. 120]. Современный историк «стремится вскрыть внутреннюю взаимосвязь между архетипами мессианизма и сакральности власти, идеями прогресса и радикализмом просвещения» [3, с. 62].

А.В. Гордон полагает, что «основным двигателем механизма культурных заимствований являлось стремление правящей элиты к укреплению легитимности монархического господства» [3, с. 62].

Ценность исследовательской концепции А.В. Гордона состоит в том, что, обозначая границы влияния иррациональных мифологических компонентов в государственной идеологии русского абсолютизма, ее автор реконструирует линии раскола между государственным мифом и просвещенческой концепцией интеллектуалов [3, с. 63].

Проблема генезиса этимологического и семантического контекста термина «государство» стала предметом научной рефлексии О. Хархордина, который прослеживает историю культурной эволюции понятия в периоды позднего Средневековья и раннего Нового времени. В своем исследовании он затрагивает некоторые аспекты влияния культурных реформ петровского времени на процесс формирования пространства новой ментальности, способной к восприятию западноевропейских политических понятий и концептов [3, с. 64].

Что касается проблемы генезиса западноевропейского идейного наследия сообществом русских масонов, то она стала предметом научного интереса К. Бурмистрова и М. Эндель, которые в своем совместном исследовании [15] рассматривают процесс рецепции представителями российских масонских лож как рационалистических идей Просвещения, так и элементов мистических доктрин. «По мнению отечественных историков, западноевропейские социальные тезисы усваивались русским интеллектуальным сообществом в той форме, в которой они были выдвинуты западноевропейскими философами. Механизмы рецепции находятся за пределами аналитического дискурса историков. Единственным культурным фактором, обусловившим специфику процессов отбора масонами западноевропейских идей, является их ориентированность на освоение этического и мистического наследия немецких розенкрейцеров, что приводило к отрицанию элементов французской культуры эпохи просвещения» [3, с. 65].

Следует заметить, что в текущее десятилетие продолжают появляться англоязычные исследования, в аналитическое поле которых попадают от-

дельные аспекты проблемы становления новой политической ментальности в России XVIII столетия. Историки литературы, историки философии, лингвисты неоднократно предпринимали попытки реконструкции ментального пространства как российских просветителей, так и представителей политической элиты. Работы таких авторов, как И. Мадариага, М. Левитт, С.А. Баер, А. Зорин, К. Осповат, представляют значительный интерес в связи с необходимостью решения задачи построения междисциплинарной реконструкции российской политической ментальности на протяжении всего XVIII столетия.

Известный американский славист М. Левитт констатирует факт влияния текстов западных авторов на сознание русских просветителей и представителей политической элиты. Согласно его представлениям, Кантемир, Проктопович, Татищев (а возможно, и сам Петр I) испытали влияние идей Бэкона, Гоббса, Гассенди и Спинозы.

М. Левитт исследовал также процесс рецепции гносеологической теории Д. Локка российским поэтом А.П. Сумароковым. Согласно представлениям зарубежного исследователя, в процессе осмысления английских понятий Сумароков тщательно подбирает русскоязычные эквиваленты, а также занимается словотворчеством [18, р. 162]. Автор отмечает интересную особенность феномена перевода философской теории Локка на язык русской культуры: Сумароков был не способен объективно и беслично перевести текст и начинал комментировать, не стремясь отделить текст оригинала от комментария (автор говорит о «размывании границы между чужим текстом и комментарием» [18, р. 164]).

Отдельного упоминания требуют работы авторов, в сфере исследовательских интересов которых находятся проблемы трансформации символического и визуального пространства российской семиосферы XVIII в. Несмотря на то что язык искусства является конкретно-образным и не транслирует абстрактных смыслов, его развитие способствует изменению типов ментальности и укоренению новой политической идеологии на русской почве. К. Осповат констатирует факт становления в России нового типа драматургии: театр эпохи классицизма начинает отражать изменения, происходящие в сфере репрезентации власти монарха [19, р. 150]. Испытавший влияние философии М. Фуко, автор исследует трансформации роли насилия в карательной практике власти [20].

Аналитические усилия В.А. Кивельсона направлены на решение задач реконструкции практик чтения в России периода первой четверти XVIII столетия [16].

Обозначенная тенденция в научном дискурсе противоположна стремлению к постижению процесса рационализации власти посредством понятий. Феномен мифологизации власти в процессе легитимизации (ис-

пользование мифологических образов и исторических метафор) являлся предметом исследования С.А. Баера [14] и А. Зорина [21]. Обозначенный тренд в историографии представляет собой влиятельное явление в современном исследовательском дискурсе проблемы. Полученные зарубежными учеными результаты могут быть использованы в ходе создания цельной междисциплинарной реконструкции процесса становления нового типа политической ментальности на русской почве.

Таким образом, можно утверждать, что дореволюционная, советская, постсоветская историографическая традиция не содержит цельной реконструкции процессов трансформации ментального пространства, подготовивших восприятие русской культурой идей европейских просветителей. В массиве отечественного историописания наличествуют лишь отдельные элементы, которые могут стать основой нового исторического подхода.

Литература

1. *Гордон А.В.* Российское просвещение – значение национальных архетипов власти // Европейское просвещение и цивилизация России. – М.: Наука, 2004. – С. 114–129.
2. *Ключевский В.О.* Сочинения. В 8 т. Т. 4. – М.: Соцэкгиз, 1959. – 418 с.
3. *Коковин И.С.* Становление социальной философии в России второй половины XVIII века. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2014. – 193 с.
4. *Мавродин В.В.* Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII веке (1773–1790 гг.). – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. – 194 с.
5. *Марасинова Е.Г.* Государственная идея в России первой четверти XVIII в.: к истории формирования понятий и терминов // Европейское просвещение и цивилизация в России. – М.: Наука, 2004. – С. 129–149.
6. *Милюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. – СПб.: Аверьянов, 1913. – 678 с.
7. *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. – М.: Летопись, 2000. – 40 с.
8. *Покровский М.Н.* Русская история. В 3 т. Т. 3. – СПб.: АСТ, 2002. – 365 с.
9. *Плимак Е.Г.* Запретная мысль обретает свободу. – М.: Наука, 1966. – 304 с.
10. *Стенник Ю.В.* Эстетическая мысль в России XVIII в. // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. – Л.: Наука, 1986. – С. 37–52.
11. *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 6. История России с древнейших времен, т. 10–11. – М.: Мысль, 1991. – 671 с.
12. *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. Т. 1. История российская. – М.: Ладомир, 1994. – 500 с.
13. *Щербатов М.М.* О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и путешествие А. Радищева. – М.: Наука, 1985. – 174 с.
14. *Vaerb S.L.* The Paradise Myth in Eighteenth – Century Russia: Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. – Stanford: Stanford University Press, 1991. – 308 p.

15. *Burmistrov K., Endel M.* The Place of Kabbalah in the Doctrine of Russian Freemasons // *Aries*. – 2004. – Vol. 4, iss. 1. – P. 27–68.
16. *Kivelson V.A.* From Publishing to Prokopovich: Gary Markers Scholarly Contributions // *Word and Image in Russian History: Essays in Honor of Gary Marker*. – Boston: Academic Studies Press, 2015. – P. 17–32.
17. *Kharkbordin O.* What is the State? The Russian Concept of Gosudarstvo in the European Context // *History and Theory*. – 2001. – Vol. 40, iss. 5. – P. 206–240.
18. *Levitt M.* Was Sumarokov a Lockean Sensualist? On Locke's Reception in Eighteenth-Century Russia // *Levitt M. Early Modern Russian Letters: Text and Contexts*. – Boston: Academic Studies Press, 2009. – P. 158–172.
19. *Ospovat K.* Scenario of Terror: Royal Violence and the Origins of Russian Tragic Drama // *Politics and Aesthetics in European Baroque and Classicist Tragedy*. – Leiden; Boston: Brill, 2016. – P. 398–498.
20. *Ospovat K.* The Catharsis of Prosecution: Royal Violence, Poetic Justice and Public Emotion in the Russian Hamlet (1748) // *Dramatic Experience*. – Leiden; Boston: Brill, 2017.
21. *Zorin A.* Eden in the Tauride Palace: Potemkin's Last Project // *Zorin A. By Fables Alone: Literature and State Ideology in Late-Eighteenth – Early-Nineteenth Century Russia*. – Boston: Academic Studies Press, 2014. – P. 124–154.

Статья поступила в редакцию 12.11.2019.

Статья прошла рецензирование 27.12.2019.

HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM OF RECEPTION OF WESTERN EUROPEAN EDUCATION IDEAS IN THE 18th CENTURY RUSSIA

Kokovin Ivan,

Cand. of Sc. (History),

Associate Professor at the Department of Philosophy and Humanities,

Novosibirsk State University of Economics and Management,

56 Kamenskaya St., Novosibirsk, 630099, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-3052-2953

Ivan.kokov80@gmail.com

Abstract

The article considers the problems of historiography of the reception by the Russian cultural space of elements of political ideas that are characteristic of Western European education in the 18th century. The author analyzes the sources, main stages and ways of forming historiography of reception of the ideas of Western European enlightenment. It is noted that its formation is inextricably linked with the process of formation of the Russian state culture and national ideology.

In this context, the views of prerevolutionary, soviet and post soviet historians are examined: V.O. Klyuchevsky, P.N. Milyukov, S.F. Platonov and others. The author studied the peculiarities of the process of perception by the Russian intellectual space of Enlightenment ideas. It is emphasized that with the collapse of the Marxist research paradigm, a qualitative leap in the development of the historiography of the Russian Enlightenment took place, which, however, did not end with the emergence of an integral concept of the process of reception of elements of the West European Enlightenment in Russia. The author shows the differences in explanatory constructions in prerevolutionary, soviet, post – soviet historiography. There is a marked increase in the current need to create a complete reconstruction of the reception in all areas of humanitarian knowledge.

The author believes that the prevailing approaches among humanities make it impossible to move to a new level of historical description of the problem.

The article considers: discreteness of the problems of reception of the ideologies of Western European education, the absence in their studies of elements of the analysis of cultural prerequisites for the formation of Russian Enlightenment, ignoring the fact that the emergence of a modern ideology on Russian soil should have been preceded by the process of forming terminological tools. It is concluded that the prerevolutionary, soviet, post – soviet historiographic tradition does not contain elements of transformation of elemental space which prepared the perception of the ideas of European enlighteners by Russian culture. In the array of Russian historiography, there were only certain elements that could become the basis of a new historical approach. It is concluded that for the development of historiography of the problem, it is necessary to create an inter-

disciplinary, comprehensive research paradigm that affects the linguistic, cultural, historical and politico-ideological aspects of the problem.

Keywords: Enlightenment, historiography, terminological, historiographic traditions, modern ideologies, Russian Enlightenment, reception ideas.

Bibliographic description for citation:

Kokovin I. Historiography of the Problem of Reception of Western European Education Ideas in the 18th Century Russia. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 2, pt. 1, pp. 214–228. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.1-214-228.

References

1. Gordon A.V. Rossiiskoe prosveshchenie – znachenie natsional'nykh arkhetyпов vlasti [The Russian Enlightenment: the Significance of the National Power Archetypes]. *Evropeiskoe prosveshchenie i tsivilizatsiya Rossii* [European Enlightenment and Russian Civilization]. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 114–129.
2. Klyuchevskii V.O. *Sochineniya*. V 8 t. T. 4 [Works. In 8 vol. Vol. 4]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1959. 418 p.
3. Kokovin I.S. *Stanovlenie sotsial'noi filosofii v Rossii vtoroi poloviny XVIII veka* [The Formation of Social Philosophy in Russia of the Second Half of 18th Century]. Saarbrücken, Lambert Academic Publishing, 2014. 193 p.
4. Mavrodin V.V. *Klassovaya bor'ba i obshchestvenno-politicheskaya mysl' v Rossii v XVIII veke (1773–1790 gg.)* [The Class Conflict and Social Politic Thought in Russia in the 18th Century (1773–1790)]. Leningrad, Leningradskii universitet Publ., 1964. 194 p.
5. Marasinova E.G. Gosudarstvennaya ideya v Rossii pervoi chetverti XVIII v.: k istorii formirovaniya ponyatii i terminov [The State Idea in Russia of the First Quarter of 18th Century: On the History of the Formation of Concepts and Terms]. *Evropeiskoe prosveshchenie i tsivilizatsiya v Rossii* [European Enlightenment and Russian Civilization]. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 129–149.
6. Milyukov P.N. *Glavnye techeniya russkoi istoricheskoi mysli* [The Main Streams of the Russian Historical Thought]. St. Petersburg, Aver'yanov Publ., 1913. 678 p.
7. Platonov S.F. *Lektsii po russkoi istorii* [The Lectures on Russian History]. Moscow, Letopis' Publ., 2000. 740 p.
8. Pokrovskii M.N. *Russkaya istoriya*. V 3 t. T. 3 [The Russian History. In 3 vol. Vol. 3]. St. Petersburg, AST Publ., 2002. 365 p.
9. Plimak E.G. *Zapretnaya mysl' obretaet svobodu* [Forbidden Thought Gains Freedom]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 304 p.
10. Stennik Yu.V. Esteticheskaya mysl' v Rossii XVIII v. [The Aesthetic Thought in Russia of 18th Century]. *Russkaya literatura XVIII veka v ee svyazyakh s iskusstvom i naukoj* [Russian Literature of the 18th Century in its Connections with the Art and Science]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, pp. 37–52.
11. Solov'ev S.M. *Sochineniya*. Kn. 6. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen*, t. 11–12 [Works. Bk. 6, vol. 11–12. History of Russia since Ancient Times]. Moscow, Mysl' Publ., 1991. 671 p.

12. Tatishchev V.N. *Sobranie sochinenii*. T. 1. *Istoriya rossiiskaya* [Complete works. Vol. 1. The Russian History]. Moscow, Lodomir Publ., 1994. 500 p.
13. Shcherbatov M.M. *O povrezhdenii nraov v Rossii knyazya M. Shcherbatova i puteshestvie A. Radishcheva* ["On the corruption of morals in Russia" by Prince Mikhail Shcherbatov and "The Journey from St. Petersburg to Moscow" of Alexander Radishchev]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 174 p.
14. Baerh S.L. *The Paradise Myth in Eighteenth – Century Russia: Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture*. Stanford, Stanford University Press, 1991. 308 p.
15. Burmistrov K. Endel M. The Place of Kabbalah in the Doctrine of Russian Freemasons. *Aries*, 2004, vol. 4, iss. 1, pp. 27–68.
16. Kivelson V.A. From Publishing to Prokopovich: Gary Markers Scholarly Contributions. *Word and Image in Russian History: Essays in Honor of Gary Marker*. Boston, MA, Academic Studies Press, 2015, pp. 17–32.
17. Kharkhordin O. What is the State? The Russian Concept of Gosudarstvo in the European Context. *History and Theory*, 2001, vol. 40, iss. 5, pp. 206–240.
18. Levitt M. Was Sumarokov a Lockean Sensualist? On Locke's Reception in Eighteenth-Century Russia. Levitt M. *Early Modern Russian Letters: Text and Contexts*. Boston, Academic Studies Press, 2009, pp. 158–172.
19. Ospovat K. Scenario of Terror: Royal Violence and the Origins of Russian Tragic Drama. *Politics and Aesthetics in European Baroque and Classicist Tragedy*. Leiden, Boston, Brill, 2016, pp. 398–498.
20. Ospovat K. The Catharsis of Prosecution: Royal Violence, Poetic Justice and Public Emotion in the Russian Hamlet (1748). *Dramatic Experience*. Leiden. Boston. Brill, 2017.
21. Zorin A. Eden in the Tauride Palace: Potemkin's Last Project. Zorin A. *By Fables Alone: Literature and State Ideology in Late-Eighteenth – Early-Nineteenth Century Russia*. Boston, Academic Studies Press, 2014, pp. 124–154.

The article was received on 12.11.2019.

The article was reviewed on 27.12.2019.